

Солнце уже почти село за горизонт, и последние розовые лучи облизывали жестяные треугольные крыши домов. Вдоль разбитой дороги стелился сизый туман, весь посёлок медленно погружался в сон. Убаюкивающую тишину нарушали лишь бесцеремонные крики кряквы, доносившиеся со стороны озера.

Сеня сидел на крыльце и возился с удочкой, когда к их дому не спеша подкатил огромный чёрный внедорожник.

— Эй, пацан! — из машины высунулся широколицый бородатый мужик. — У вас тут переночевать можно?

Не успел Сеня и рта открыть, как на крылечко, словно кошка, из дома вынырнула его мать.

— Можно, можно! — заулыбалась она во все пятнадцать ещё целых зубов и тут же закусил губу, вспомнив о своем изъяне. — А вас сколько?

— Нас двое: я и мой друг, — кивнул бородач на водителя. — Меня зовут Роман. А это Анатолий.

— Очень приятно, — поздоровался второй незнакомец. Его лицо тоже обрамляла борода, слегка тронутая сединою. Он был высокий, крепкий и румяный. «Дед Мороз какой-то», — подумал Сеня, угрюмо глядя на нового знакомого.

— Мы вас сильно не потревожим, — улыбнулся Анатолий.

— Для двоих у нас найдётся место. Проходите, проходите, — залепетала хозяйка, торопливо вытирая руки о передник. — Я Люба. Это мой сын Семён.

Муж Любы пару лет назад уехал на заработки в город, да так и не вернулся. Говорят, завёл новую семью. А Люба осталась в поселке с сыном. Она работала на железнодорожной станции. И дни её, похожие один на другой, тянулись грустной вереницей. Поэтому она была рада неожиданным гостям. Мужчины, несмотря на многодневную небритость, выглядели холёными и устроенными по жизни. Дорогая машина, неспешная речь и уверенные манеры выдавали в них состоятельных обитателей столицы. Их присутствие льстило Любе, ведь из всех покосившихся изб посёлка они выбрали именно её дом.

За столом гости рассказали, что приехали из

Мария ТОВИЧ

г. Петрозаводск

ГОРЯ



рассказ

Москвы, путешествуют дикарями и вот уже несколько недель наслаждаются рыбалкой и чистым воздухом. А сейчас они направляются поглядеть на местную достопримечательность — Смерть-гору.

— Говорят, оттуда вид просто сумасшедший! — восхищённо протянул Анатолий.

Люба хмыкнула и обронила:

— Может быть... Я туда не ходила никогда и не пойду. — Она наспех перекрестилась и тут же три раза сплюнула через плечо: — Женщинам и детям туда путь заказан. Плохая она, Гора эта. Бесы там. И чего туда люди, как мухи на варенье, летят. То экстрасенсы эти... понаедут из разных городов, чёрт-те что устраивают... Поднимутся наверх, лягут на камни и лежат, энергией подзаряжаются. Тьфу! Мне ещё дед рассказывал, что наши предки там обряды устраивали и с тех пор от этой горы ничего хорошего не жди.

— А опасность только горячит кровь, — прищурился Роман и подмигнул хозяйке.

Та мигом залилась краской и добавила:

— Вот на таких любителях опасности наш Егор бизнес построил. Водит туда приезжих за денежку.

— О! Проводник! Завтра утром покажете, где его искать? — оживился Анатолий.

— А он уехал. В город... На свадьбу к дочке.

— Хотите, я вас отведу? — вмешался Сеня, дожёвывая последнюю ложку кулеша.

— Тебе разве в школу завтра не надо? — удивился Анатолий, прихлёбывая чай.

— Лето же. Да и всё. Окончил я школу в этом году. Все девять классов.

— Совсем взрослый. Куда дальше поступать будешь? — полюбопытствовал Роман.

— Ха, куда ему поступать с такими отметками? — резко фыркнула Люба. — Ни в какой техникум не возьмут. Городские все места займут. А платно его учить... Где ж такие деньги найти?

— Я пойду на карьер работать. Зато сразу зарплата будет, — гордо вздёрнул нос Сеня.

Хотя в душе он мечтал об учебе в городе, о том, как получит образование, устроится на хорошую работу и приедет обратно в посёлок на иномарке, такой же, как у этих толстосумов.

— Пойдёшь, пойдё-ёшь... — протянула мать и строго наказала: — А с горой — аккуратнее. Дурное место.

— Мамка, хватит уже... — скуксился Сеня.

— Он вас только доведёт, наверх подниматься не будет, — взволнованно предупредила Люба и начала убирать со стола.

Тихая карельская белая ночь опустилась на посёлок. Анатолий помогал Любе в доме застилать простынями два кинутых на пол матраца. Сеня, зевая, чистил зубы у ржавого рукомоЙника на улице. Озираясь и ежась от холода, к нему подошел Роман.

— Слышь, Сеня, — вкрадчиво начал он. — У меня к тебе дело есть, — он почесал свою красную, искусанную мошкаркой шею. — Ты хочешь получить двести тысяч рублей?

Сеня посмотрел на него округлившимися от удивления глазами. Двести тысяч?! Это же целое состояние! Его мать, наверно, столько и за всю жизнь не заработала!

У мальчугана сразу же пересохло во рту. Он неуверенно кивнул.

— Хочешь... Так... Знаешь, Толян на самом деле не очень хороший человек. Понимаешь, мы с ним дело общее имеем. Я его знаю. В общем... — он положил свою тяжёлую руку на плечо мальчику, — ты должен забраться с нами на вершину. А когда мы поднимемся на гору, подтолкни его с обрыва.

Сеня ошарашенно отшатнулся:

— Вы что?! Он же разобьётся!

— Тише. Да не шуми ты, — зашипел Роман и в упор посмотрел на Сеню своими светло-голубыми глазами, в которых радужка почти сливалась с белками, придавая его облику что-то змеиное и отталкивающее. — Семён, таких людей должно быть меньше на земле. Он ужасный человек. И если ты сможешь избавить мир от негодя и получишь за это вознаграждение — разве это плохо?

— Вот сами и избавляйте.

— Я же не «за так», — шёпотом намекнул Роман.

— Я тебе заплачу за услугу.

Сенька раскраснелся от негодования:

— А потом я в тюрьму сяду. Спасибо.

— Никуда ты не сядешь. Кто там будет? Ты да я. Во мне будь уверен. Зато за учебу заплатишь. Матери нормальную одежду купишь.

Сеня в растерянности молчал.

— Ну, подумай. Утро вечера мудренее, как там у вас говорят, — он повернулся и вразвалочку пошёл к дому. Затем резко обернулся: — И не смей

никому сказать. А то!.. — Роман сурово и многозначительно посмотрел на мальчугана.

Всю ночь Сеня не мог уснуть. Он вертелся с боку на бок. Пару раз вскакивал и порывался бежать, чтобы разбудить Анатолия и рассказать ему всё. Но что-то его останавливало, и Сеня опять погружался в мучительные думы. Он понимал, что Роман может наговаривать на товарища по бизнесу, что ничего не подозревающий «Дед Мороз» на самом деле добрый, хороший человек. Но баснословная награда манила и подспудно уговаривала неокрепшую Сенькину совесть. Поверить рассказам и обещаниям Романа было удобнее и легче.

Утром Сеня проснулся с чугунной головой. Спал он плохо и так и не надумал, как ему поступить.

Когда путешественники загрузились в машину, Сеня запрыгнул на заднее сиденье. Проведя рукой по светлой кожаной обивке, он на мгновение отдался мечтам о том, что когда-нибудь у него будет свой шикарный автомобиль, не хуже этого. Но, поймав на себе самодовольный взгляд Романа, Сеня помрачнел.

— Осторожнее там! — напутствовала с крыльца Люба. Она ещё что-то прокричала, но рёв мотора заглушил её голос.

Кода до горы оставалось не больше километра, Сеню начало мутить. Машину трясло. Солнце непривычно палило и ослепляло. Голова гудела от неприятного ожидания того, что он намеревался сделать, и встречи с самой горой. Он ещё никогда не поднимался на вершину. И это нарушение устоявшегося запрета заставляло ещё сильнее шуметь кровь в его голове с лопухими ушами.

— Ну что? Не укачало? — заглянул ему в лицо Анатолий, когда они остановились.

— Нормально, — отозвался Сеня.

Анатолию не терпелось добраться до места:

— Рома, наконец-то мы сюда приехали! — воскликнул он. — Скорее бы на верхотуру забраться... А ты куда, Сеня? Тебе же мама сказала: «Только до горы».

— Пусть с нами пойдёт. Чего ему тут на солнцепёке сидеть? Он уже совсем большой. Мужик. Настоящий, — Роман потрепал мальчугана по голове и улыбнулся, но Сене в его улыбке мерещился угрожающий оскал.

Мальчишка ничего не ответил и послушно начал взбираться по пологому каменному склону. У него кружилась голова, и казалось, что, если он остановится, сразу упадёт.

Вокруг росли невзрачные деревья. Корявые, причудливо изогнутые, с белыми, как слонобая кость, или, наоборот, черными обугленными стволами. Они были полностью голыми, без листвы, с растопыренными в разные стороны ветками и напомнили Сене зловещих горбатых карликов. Под ногами то и дело попадался красный курчавый мох — как следы запёкшейся крови. А ещё везде были камни. Много камней. Необычные сооружения, где огромные валуны водружались на несколько небольших камешков. Кто и когда их сделал — неизвестно. И от этой мрачной картины становилось жутко.

Странно вели себя и его попутчики. Они то шли рядом, то внезапно пропадали из виду. Периодически до Сени доносился бодрый, радостный крик Анатолия: «Ты посмотри, какой сейд!» И Сеня замечал где-нибудь далеко впереди его красную футболку с черным портретом какого-то бородатого мужика в берете.

Вершина была уже рядом, и с каждым шагом в глубине мальчишеского сердца нарастал ужас. Сверху казалось, что перед ними раскинулась вся Карелия — сине-зелёное полотно леса, разбавленное светло-голубыми полосками ламбушек и озер.

Анатолий подошел к краю обрыва:

— Эге-гей! Красотища!

Ветер трепал его широкую футболку, как красное знамя, пока он любовался бесконечным зелёным ковром.

— Ух! Хорошо! А вернёмся — твоя мама нам баньку натопит. Да, Сеня? — крикнул он через плечо.

Теперь уже Сеня догнал их. Мальчуган тяжело дышал и не знал, что сказать.

— Конечно, натопит, — громко ответил за него Роман. — Толян, я фотоаппарат забыл. Сейчас... Я туда и обратно, — он повернулся к Сене и прошептал: — Давай, не дрейфь. Деньги у меня с собой, — хлопнул мальчишку по плечу и зашагал вниз по склону.

Сеня посмотрел на Анатолия, который стоял к нему спиной. Счастливый и беззаботный, как ребёнок, он даже не заметил, как ушел Роман.

Столкнуть его с обрыва не представляло особого труда. Но Сеня медлил. Его лоб блестел от пота, руки тряслись, ноги, несмотря на жару, казались ледяными. В поисках какого-то тайного знака, который избавит его от мучений, Сеня поднял глаза к небу. Там не было ни одной птицы. Только бескрайнее, равнодушное к его болезненному состоянию голубое марево.

«Помощи ждать неоткуда. В этом мире каждый сам за себя, — решил он, резко отвернувшись и зажмурился: — Досчитаю до трех, разбежусь и...»

Раз...

Два...

Вдруг его отвлёк треск веток и звук падающих камней. Ему даже показалось, что он слышал сдавленный крик.

Повернувшись к обрыву, Сеня никого там не увидел. Он подбежал к самому краю. Внизу, метрах в десяти, алела красным маяком футболка Анатолия. Мужчина лежал и не шевелился.

Сеня сорвался с места и помчался по более пологой части склона к распластавшемуся на камнях телу. Внизу его уже ждал Роман. Он с безразличным видом возвышался над разбившимся Анатолием — тот лежал в неестественной позе, с вывернутыми ногами. Одна его рука была сломана, и из неё торчал острый осколок кости. Изпод затылка вилась змейкой тёмная кровь.

От увиденного Сеню стошнило. Он сел на землю и замер.

— Я думал, ты не решишься, — усмехнулся Роман.

— Он сам... Это не я...

— Ладно тебе. Я же пообещал, что не выдам тебя.

— Надо отвезти его в больницу. Может, его ещё можно спасти, — как в бреду, пролепетал мальчик.

— Ты чё? Дурачок? Всё! Прощай, Толян! — Роман запустил руку во внутренний карман жилета и вынул небольшой конверт. — Вот. Можешь пересчитать.

Сеня опустился на землю и впал в ступор.

— На, держи, — Роман кинул конверт в ноги мальчишке. — Только сразу не трать. Помалкивай пока про них. Матери ни слова. Поедешь в город, вернёшься, скажешь: там заработал.

Сеня неподвижно сидел и таращился на труп человека, который был таким счастливым еще

полчаса назад. Как ни странно, футболка разбившегося совсем не испачкалась в пыли и земле, нигде не порвалась. Сеня удивленно думал: «Как так? Человек умер, а одежда его — как новая». Внезапно его охватила абсолютная апатия. В голове стало пусто. И только мысль о неиспорченной футболке крутилась, как заевшая пластинка.

После этого случая Смерть-гора стала ещё популярнее. Приезжали новые путешественники и журналисты. Снимали репортаж об известном бизнесмене, чью жизнь унёс несчастный случай. Люба даже дала интервью одному из федеральных телеканалов, после чего очень боялась пропустить очередной выпуск новостей и так и не увидела, как её покажут по телевизору.

Спустя несколько недель у крыльца их дома снова остановился красивый дорогой автомобиль. Сеня как раз собирался на железнодорожную станцию, чтобы уехать в город. В его старом рюкзаке на самом дне лежал тот самый конверт.

Из машины вышли женщина и мальчик лет одиннадцати. У незнакомки было красивое печальное лицо. Она взяла за руку сына, как будто он мог потеряться, и подошла к Сене.

— Здравствуйте, — произнесла она убитым голосом. — Не подскажете, где можно найти проводника до... горы?

— Вот видите дом с синей крышей? Спросите Егора, — указал Сеня.

— Спасибо, — женщина повернулась и направилась было к машине. Мальчик семенил за ней, всё ещё держа мать за руку.

Сеня зачем-то посмотрел на носки своих старых кед, но перед его глазами всё ещё стояла поникшая фигура женщины с мальчиком.

— А зачем вам туда? — вдруг крикнул он ей вслед.

— Там погиб мой муж, — негромко сказала она, обернувшись.

Машина медленно отъехала от дома. На макушку Сени упала капля, затем ещё одна — на лоб и сползла по веснушчатому носу. Начался сильный ливень. А Сеня так и стоял у крыльца с отсутствующим взглядом. Его рубашка насквозь промокла, а волосы серыми сосульками повисли над глазами. Но он ничего не ощущал. Сеня больше не чувствовал жизнь, как прежде. Что-то умерло в нём тогда на горе безвозвратно, когда он досчитал до двух. Раз... Два...



Ноябрьская слякоть противно хлюпала под ногами. «Хорошо бы новые осенние сапоги купить, — удручённо подумала Вера Сергеевна, шевеля замерзшими пальцами ног. — У этих совсем подошва протёрлась, снова в мастерскую надо нести. Может быть, в конце года премию дадут? Завуч же говорила: «Вы, Вера Сергеевна, у нас ценный сотрудник. Двадцать пять лет учительского стажа». Вот и посмотрим на ценность этого стажа в пересчете на мирские рубли», — грустно усмехнулась женщина.

Не спеша зашла в подъезд. Выдохнув, нажала кнопку лифта. «Да что же это такое? Опять лифт не работает! — в сердцах мысленно воскликнула она. — Третий раз за неделю. Починили называется!»

Делать нечего — нужно идти пешком на восьмой этаж. Раздраженно дернула рукой, встревоженно зашуршали пакеты с продуктами. «Если бы знала, не купила бы сегодня картошку», — Вера Сергеевна устало вздохнула и зашагала вверх по ступеням.

Не молоденькая уже, чтоб такие марш-броски совершать. А что поделаешь? Один пролет, другой. Вот уже и больше половины пути пройдено.

Вдруг в груди резко кольнуло. «Ой!» — тихо вскрикнула женщина и крепче ухватилась за перила. Вздохнула — больно. Выдохнуть страшно. Сердце сжалось, как будто чьи-то огромные руки схватили его и стали выкручивать, как мокрую половую тряпку. Левая рука словно онемела. «Как же жмёт... — женщина

медленно опустилась на ступени. Достала таблетку нитроглицерина из бокового кармана сумки: — Сейчас... сейчас полегчает... Должно же пройти».

Ох, сердечко, не шали так! В голове, оглушенной неожиданной болью, пронеслась мысль: «А ведь я помню, когда почувствовала тебя в первый раз... Тоже осень была. Даже год помню — 1999-й».

...Тем вечером Вера Сергеевна так же возвращалась с работы, голодная и измотанная. Весь день — у школьной доски, после — тетради проверяла, потом еще с родителями учеников собрание проводила. Автобус в её новый микрорайон ходил только один, и каждый раз приходилось с боем брать его в толпе таких же штурмующих, торопящихся домой людей. Вот и тогда еле затолкалась. К дому шла уже «на автопилоте».

Издаലെка заметила, что вокруг родной блочной многоэтажки стоит толпа народу. Мельком глянула, в голове — ни интереса, ни тревоги, только усталое раздражение: «Опять какое-нибудь собрание устроили... Дойду я сегодня до своей квартиры или нет?!»

Подошла ближе. Да тут, похоже, все жильцы дома. Вот тётя Маша со своей визгливой собачкой Матрёшкой. Филипповы всей семьёй: Лиза с горстью ребятишек и их папаня — даже не пьяный... Вытянулся, будто кол проглотил. И Ритка — соседка по площадке, стоит в халате, с ноги на ногу переминается. На улице не июль, могла бы и одеться.

Вжав голову в плечи, попыталась пробраться мимо застывших людей. Не до собраний было. А жильцы дома замерли, как у стены на расстреле. Кто-то неслышно перешептывался, кто-то тупо уставился на дом. И все тихие такие, загадочные. Что ж такое?..

У входа в подъезд перед ней вырос мужик в грязной униформе оливкового цвета и с усами, похожими на щётку:

– Женщина, вы куда?

– Как куда? Домой, – недовольно буркнула Вера.

– Какой «домой»? – бесцеремонно одёрнул её усатый. – Только не говорите, что фамильное серебро дома забыли. Сказано же: всем покинуть свои квартиры. Скоро приедут минёры. До их приезда всем оставаться на улице.

– Какие минёры? – Веру передёрнуло от накатывающего, как цунами, тревожного предчувствия...

«Господи! В Москве недавно дома взорвали... Неужели и у нас? В нашем-то заолустье...»

– Женщина, в вашем доме – взрывчатка. Сейчас нельзя внутри находиться, – вклинился в их разговор длинношей парень в такой же оливковой форме, как и усатый.

Веру словно током ударило: «Ирка! Ирка! А она-то дома! Давно должна была из школы прийти...»

– Мне домой нужно! У меня там дочь! – рванулась вперед, но сильные руки усатого её остановили.

– Нет! В дом сейчас нельзя. Мы по квартирам прошлись, во все двери стучали, чтобы выходили. Отойдите от подъезда! Женщина, вы слов не понимаете?

– Да это вы не понимаете! – Вера впиалась в него округлившимися глазами. – Я Ирке всегда говорю, чтобы дверь никому чужому не открывала. Чтобы никому! И из дома – никуда. Пока я с работы не вернусь... Знаете же, что сейчас творится... Ну пожалуйста, ну пустите меня!

– Нет. Не положено, – отрезал аварийщик.

– Дайте пройти, – тихо, но решительно произнесла Вера.

Было в её глазах что-то зверино-материнское, наполненное болью и отчаянием, – усатый сдался.

– Ладно. У вас есть несколько минут, пока минеры не приехали. Репченко, проводи... Только быстро! И лифтом не пользоваться, – крикнул он вдогонку.

Вера и длинношей скрылись в подъезде. Репченко быстро рванул вверх по лестнице. Вера побежала за ним. Краем глаза она заметила висющую на электрощитке связку желтых цилиндров, обмотанную проводами. Но разглядывать было некогда. «Ирка! Скорее, нужно скорее! А вдур не успеем... Господи, нет. Лучше не думать. Просто вверх, вверх по ступеням...»

Молодой спасатель был уже далеко. Сверху прозвучал его звонкий голос:

– Этаж-то какой?

– Восьмой. Квартира тридцать один, – прохрипела она, захлебываясь. И тут в груди что-то кольнуло. Незнакомое, неприятное чувство.словно тонкая игла насквозь прошла. Но времени, чтобы прислушиваться к этим новым ощущениям, не было. В голове только одно: «Ирка!»

Ног не чувствовала, в висках как будто молотобойцы стучали кувалдами. Давно она так не бегала. Кое-как добралась до своего этажа. Репченко настойчиво жал на кнопку дверного звонка.

– Не отвечает никто!

Вера нервно сглотнула и трясущимися руками достала из сумки ключи. Молодой спасатель посторонился.

Ей показалось, что время остановилось, пока она вертела ключом в замке. Жалобно позвякивали брелоки. Рядом, переводя дух, затаил дыхание молодой парень.

Дверь отворилась. «Ирка! Ирка-а!» – забежала в прихожую, потом в кухню. Длинношей метнулся в дальние комнаты.

Квартира ответила безразличной тишиной. Ещё раз заглянула в гостиную, в ванную. Пусто. Как пусто? Почему пусто?

– Никого нет. Надо возвращаться. Пойдёмте. – Репченко с жалостью взглянул на растерянную Веру. Она безвольно кивнула.

Как спустились обратно, Вера не помнила. Очнулась уже только на улице, когда кто-то с разбегу вжался в её пальто:

– Мама!

– Ирка! Ты?! – взглянула в маленькое остро-

носое личико. — А я думала, ты дома. Я же тебе чужим двери открывать запретила.

Девочка виновато шмыгнула носом и быстро забормотала:

— Ну, я посмотрела в глазок. Вижу, что все соседи выходят. Услышала, как дядя Павлик спрашивал, брать ли с собой документы. Вот я и подумала: наверное, что-то серьезное случилось — надо тоже на улицу бежать. Прости, что не послушалась, мам.

Вера крепко обняла дочь:

— Ох, непослушная ты моя... Как же хорошо, что ты... непослушная, — улыбнулась она сквозь слёзы.

Они побрели к старой обшарпанной скамейке в глубине двора.

Приезжали и уезжали какие-то машины с мигалками, толпился народ. Потом объявили, что тревога была ложная, вместо настоящей бомбы — муляж. Просто чья-то злая шутка. Жильцы, недовольно ворча, постепенно разбрелись по квартирам. А Вера всё сидела на скамейке, обхватив Ирку обеими руками.

Девочка ёрзала и нетерпеливо поглядывала на мать — по телевизору уже начался любимый сериал. А Вера застыла на месте и никак не могла разжать руки. Ноги были ватные. А в голове — звенящая пустота. Ни единой мысли. Как будто ластиком стерли. Только в груди сердце тоскливо завывало отголоском пережитого ужаса.

...Вера Сергеевна посмотрела на вымытые серые ступени и горько улыбнулась. Да, это сейчас у нас полы в подъездах моют... Кодовые замки, домофоны, консьержки, видеокамеры. А тогда, в 99-м, что? Заходи кто хочет, справляй нужду по углам. Вокруг всегда окурки, плевки... Да что там, плевки — это не страшно. А вот маньяки и воры — их боялись. То ещё времечко было. И мобильными телефонами тогда ещё не обзавелись... Ни позвонить, ни предупредить. Вот и приходилось дочери в голову вбивать: «с незнакомыми в лифт не заходи», «чужим дверь не открывай...»

Внезапно Вера Сергеевна услышала пронзительный детский крик, доносящийся сверху.

«А-а-а, Ваня... Внучок. Ох и голосина! На несколько этажей слышно. Не зря его в нашем подъезде пожарной сиреной прозвали... Таким же непослушным растёт, как мать... как Ирка», — с нежностью подумала Вера Сергеевна и, взяв пакеты, попыталась подняться.

«...Иду, милый. Иду к тебе... Всего-то пара пролётов осталась». Женщина выпрямилась, но сильная боль в груди опрокинула её на ступеньки. Пальцы разжались, пакеты опустились на пол, и картошка запрыгала по ступенькам...

□

Мария Валерьевна ИГНАТОВИЧ

пишет под псевдонимом Мария Тович.

Окончила филологический факультет

Петрозаводского государственного университета.

Пишет стихи и прозу для взрослых и детей.

Лауреат республиканского конкурса юных поэтов «Северная лира»,

победитель городского конкурса «Огненный цветок»

в номинации «Литературное произведение».

Стажировалась в литературном Баренц-центре г. Калекса (Швеция).

Живет в Петрозаводске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

